

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Просто я...

У кого-то мать — юрист или врач, или просто домохозяйка, а моя мама — проститутка. Не то, что бы я горжусь этим фактом, который с самого детства был моим клеймом среди сверстников, но у этого есть свои плюсы, о которых я расскажу позже. Да, я из-за того не мог устроиться в хорошую школу, где считали, что подобная профессия матери одного из их учеников и, тем более, принятие такого ребенка в свою школу, будет разрушением их репутации, поэтому я получил с первого класса школу, соответствующая моему социальному статусу, но не соответствующая моему уму, которого не было ни у моих одноклассников, ни у учеников лучших школ России и который я не показывал учителям; не знаю, отчего не хотелось перед ними решать задачи, которые не могли решить сами учителя, но я получал удовольствие от осознания своего интеллектуального величия, тенью скрывающее работу моей матери.

Мать моя, Светлана, не была умницей в школе, за что и получила свою профессию, не знала моего биологического отца, но была мастером в своем деле, обладая шикарной грудью, которая даже в ее годы не свисала, а выпячивалась вверх, тоненькой талией, которая иллюзионно придавала еще больший размер ее гладкой огромной попе; по выходным, которые у нее были по воскресеньям, она ходила в тренажерный зал, куда одевала топless с широким декольте и коротенькие шорты, по размеру похожие на трусики, которые она не носила почти всегда. Также вульгарно она любила одеваться и дома.

День, когда я лишился своей девственности, запомнился мне как что-то святое тем, как моя мать после гулянки в подружками-коллегам, которых у нее было не так уж и много, от опьянения вином, которое ее за три бокала могло унести до такой степени, что на следующий день она бы просыпалась с диким похмельем, полезла ко мне в трусы своими умелыми ручками.

— Наверно, тебе ужасно стыдно за свою маму.

Я ничего не мог сказать на это, только смущаться от ее полуголового вида. Она просто стала ласкать мои ягодицы, затем с языком поцеловала и на диване оседлала мой член. И вот это как раз и те плюсы, о которых я собирался вам рассказать. Когда ваша мать — проститутка, то вам обеспечен ежедневный секс, минет за особые достижения в школе, которые были почти каждый месяц, или за домашние хлопоты или в качестве просьбы, так же секс в любой позе, которую ты пожелаешь: на каждое утро перед походом в школу я мог разбудить ее тыкающийся ей в лицо членом, чтобы она сделала мне минет; а если не делала, то отработывала пропуск вечером.

С клиентами своими она встречалась либо в своей комнате, либо в их квартире; зачастую в их. В любое время, придя домой, я могу слышать из комнаты матери стоны ее и мужа; мужчины редко доводили ее до оргазма, но если доводили, то мама издавала такие страстные и громкие стоны, что у меня легко мог встать член, даже при вспоминании их. Выйдя из комнаты и проводив клиента, она замечала всего меня уставшего слушать эти звуки блаженства и ублажала мой вставший член своим влажным ротиком.

Еще одна особенность, которой мама обязана половиной прибыли, — ее киска, которая всегда была узенькой и гладенькой, как у только созревшей девушки, за что и ценили мужчины, отдавая ей не меньше двадцати тысяч за час, это не считывая позы. Эта была и

биологическая особенность ее тела, способное быстро восстанавливать поврежденные участки кожи, и крем, который она наносила в ванной после каждого обслуживания клиентов.

В общем, моя жизнь протекала с приятным осознанием того, что в любой момент могу заполучить священное совокупление, о котором мечтает половозрелый подросток, со своей матерью, чье тело походит на обложку эротического журнала.

Но многое поменялось, когда мне нужно было поступать в ВУЗ, сдавать экзамены и готовиться отделиться от моей горяченькой матери, подарившей мне перед отъездом на полгода офигенный секс. В то прелестное утро я проснулся от ласк ее умелого языка, облизывавшего мой ствол от самых яиц до самой головки. Сидя на кровати между моим ногами и опустившись к моему паху, она полностью глотала мой двадцатитрехсантиметровый член, дотрагиваясь своим горлом до головки. Любая другая бы давно уже вытащила его из горла, но моя мама никак не могла отвести носа от моего лобка: вот так она умела делать «глубокую глотку». Закончив сосать мой уже отвердевший и увлажненный ее слюной член, она вставала в позу «наездницы» и прыгала на мне, сжимая свою грудь, которую сжимал вместе с ней я. От ударов ее ягодиц об мои бедра в комнате проносились хлопки; на моей груди, о которую мама оперлась, уже накопился пот.

— За твое поступление можешь кончать внутрь, — сказала она с улыбкой, и от радости я, взявшись за ее бедра, стал ее насаживать на свой член и двигать бедра под ритм ее движений. Глаза ее закрылись, ротик, как у модели, изображающей наслаждение, чуть приоткрылся, руки взялись за ягодицы, волосы ее от медленных круговых движений головы то прикрывали ее аппетитную грудь с небольшими сосками розового цвета, то свисали на ее спине. Достигнув через пару минут оргазма, я кончал в ее узкую киску и чувствовал дрожь в ногах и ягодицах и удовольствие, от которого прижался к ее груди и тяжело задышал. После этого к ней пришли.

Поступив с высокими баллами ЕГЭ в Петербургский универ на физический факультет, я отправился туда, чтобы сдать документы. По дороге я встретил Дашу, которая поступала в тот же универ, но на другую специальность; она ехала из Екатеринбурга через Москву, так как прямых путей оттуда не было. Меня привлекла ее небольшая, но довольно необычная округлая грудь, которую не хотелось помять, но увидеть обнаженной и обласкать; все ее тело излучало незаконченную девственную невинность гладкостью кожи и плавностью изгибов ее тела. Между нами завязался небольшой, на пару минут, разговор насчет универа, экзаменов: Петербурге жили знакомые ее знакомых, с которыми она не была знакома; у них ее присутствие должно было продолжаться пару дней, а потом ее поезд уедет домой. По приезде в город мы обменялись телефонами и разошлись в разные стороны, не осознавая, куда идем в этом огромном мегаполисе, но зная, что время здесь наше пройдет не зря после этого знакомства, ведь оба мы заметили симпатичную внешность друг друга и осознание этого.

Я сразу, как только устроился у друзей, с которыми был знаком со школы, откуда они ушли в петербургскую из-за переезда, сразу позвонил и назначил вечернюю встречу около медного всадника. Петербург всегда отличался своей романтической атмосферой, достигаемая зданиями и памятниками девятнадцатого века, многочисленными ресторанами и небольшими заведениями, поэтому нам обоим, людям, которые впервые испытали всю красоту города, было приятно гулять и общаться. Под вечер, когда спускалось солнце, не закрытое облаками, мы уселись на веранде одного ресторана; она заказала какую-то заумную дребедень, а я — бутылку пива и, из приличия, чизкейк (люблю сладость).

— Посмотри на них, — шепнула она, указывая на целующуюся парочку за соседним столом.

— И что?

— Ну, неприлично так делать в общественном месте, тем более, в ресторане.

— Да, как-то все равно. Но даже будь у меня девушка, я бы тоже так делал.

— Какой ужас.

— Нет, классно! Ты чувствуешь гордость, что целуешься с классной девчонкой, тем самым показывая старикам, вроде тех (указал за столик в другом конце веранды) на какие чувства еще готова молодежь.

— Ой, не знаю, это некое проявление пошлости.

— Сама попробуешь — поймёшь. Кстати, ты пробовала когда-нибудь?

— Нет, и не буду.

— Вай, вай, какие мы правильные. Уверен, ты сама горишь желанием это попробовать.

— Нет, это абсурд!

— Ну конечно. Сейчас тобой руководит не твоя честность, а твое желание выиграть в споре, но в глубоко в сознании ты знаешь, что я прав.

— Ну допустим... , — сказала она, но я ее тут же прервал.

— Нет, не допустим, а попробуем!

— С тобой?

— Нет, конечно. Просто ты должна попробовать.

— Давай уже закончим, — сказала она и стала глядеть на закат, на улицу. Выпив бутылку до конца, я спросил ее: — А ты бы согласилась со мной?

— Нет, конечно. Какие ужасные вопросы!

— Не ужасные. А почему не хочешь?

— Мы с тобой знакомы меньше суток. Я даже соглашаться не должна была...

— Но согласилась, потому что, снова, ты в глубине сознания таешь от моей внешности.

— Ха, — произнесла она, продолжая смотреть на окружающее. Я схватил ее руку через стол и потянул к себе, собираясь поцеловать, но она оттолкнулась и дала мне пощечину; я чуть со стула не упал.

Разговор с ней вызвал во мне возбуждение, чего я никак не ожидал, и поэтому был удивлен тому, какое влияние она оказала на меня. Но возбуждение нужно было как-то снять и поскорее, так как я не хотел подавлять его работой рукой, поэтому срочно нужно было искать специалистов по этому делу. Попросил у друзей чей-нибудь номер, которых у них было хоть отбавляй, вызвал в квартиру, которую снял на пару часов, шатенку с четвертым размером, готовая сделать мне минет и встать раком передо мной. Я встретил ее у метро около этой квартиры, взял ключ у хозяев, перед которыми прикинулся ее парнем. Она сняла свою ветровку и оказалась в одних белых трусиках с одной лишь веревкой между ее здоровыми ягодицами и такого же стиля лифчике, поддерживающий ее большую грудь, сосок которой, выглядывая из под чашечки, звал меня пососать его.

Для начала она, сев на корточки и раздвинув ножки, чтобы можно было драть себе клитор через прозрачные трусики, хорошенька отполировала член своим языком (но до моей матери ей было далеко): облизывала головку кончиком языка, щекотила своими длинными ногтями мошонку, перекатывая яички, проводила широким языком по всему стволу, прижав его к лобку, и опускала голову, впуская мой член, размер которого вначале его весьма поразил, в свой очаровательный ротик с подкрашенными, пухлыми губами. Когда я натянул

презерватив на изнаывающий от близкостоящей киски член, она встала коленями на сидение дивана, а руками оперлась о спинку; ее голова находилась неподалеку от стены, но, пока она смотрела на мой член, пугавший ее размером, подойдя сзади, я приложил головку между намокшими губками и вставил в нее свое орудие, вызвав в ней дрожь и вибрацию по телу. Ее влагилице по сравнению с кисонькой моей матери напоминало пещеру, которую изведали уже по несколько тысяч раз (даже туристов стали туда впускать). Но я ебал ее, пытаюсь поскорее довести себя до оргазма, чтобы кончить на ее (с чем не поспоришь) очаровательное личико, за что я заплатил тоже не немало денег. Но член все входил и входил, все терся и терся, а я начал уставать, но успел довести ее до безумного оргазма, который отнял у нее все силы и не мог позволить ей продолжать впускать моего дружка, но я продолжал, потому хотел выжать из нее все свои деньги.

— Ты еще долго? Может хватит? Хочешь я тебе минет сделаю?

Я слышал ее, но не хотел слушать, смотря на то, как член входит и выходит. Никогда я еще не был рад своему оргазму; не потому что, он дал мне удовольствие и наслаждение, а потому, что, наконец, я до него дошел после такой долгой работы. Как и было обещано, я кончил ей на лицо: на нос, на губы, на выделяющиеся скулы, на плоские щеки, на открытый большой лоб и, самое главное, на шелковистые волосы, пахнувшие приятным шампунем; это я всегда любил делать с матерью.

Все деньги я ей отдал, поблагодарил и вместе с ней ушел, передав ключ обратно хозяинам. Ночью мы с друзьями дома балдели от программы на первом канале, сидя на диване перед столом, усыпанный чипсами, сухариками, банками от РедБулла, Кока-Колы. Когда все легли спать, а свет выключили, я позвонил матери, которая хотела узнать, как мои дела.

— Да все хорошо, — отвечал я ей. — Вот, снял проститутку, не смог удержаться.

— Ну ладно уж, — сказала она немного разочарованно. — Понимаю, мы же с тобой каждый день по несколько раз занимались сексом, поэтому тебе было трудно. А что заказал?

— Как обычно, минет, потом потрахал раком, и кончил на все ее лицо и на волосы.

— Ооо, как ты любишь? Дорого стоило?

— Пятнадцать тысяч.

— Я бы могла сама к тебе приехать за такие деньги и сделать все намного лучше.

— Мда, это точно.

— Ну ладно, разнообразие тоже нужно.

— Ага. Кстати, как работа?

— Да вот, сегодня уже двое были. К одному депутату ходила, он снял номер в отеле. Жирный такой, но так-то был неплох. А второй, совсем молодой, кончил сразу, как засунул. Эх, скучаю по твоему члену. Так хочется тебе пососать.

— Я тоже. Будь ты здесь, я бы взял тебя за волосы и трахал в рот.

— Нуу, я так не люблю. Давай ты ласкаешь мою киску своими длинными пальчиками, а я в этом время подрачиваю тебе...

Я огляделся на уснувших друзей и, убедившись, что они спят крепко, засунул руку трусы.

— ... потом опускаюсь к твоему аллигатору и медленно облизываю его. Он входит в мой ротик, дотрагивается до нёба, до языка, довольствуется теплотой и нежностью моего рта. Я начинаю двигаться быстрее, пока ты доходишь до оргазма, но я вытаскиваю его и прижимаю между грудями. Сперма вылетает, попадает мне в подбородок, падает на мою грудь, а я пальчиком набираю эту слизь и облизываю. Ммм, твоя сперма такая вкусная!

— Да, мама, продолжай... , — стонал я, уже во всю наяривая с закрытыми глазами, в которых представлял всю эту картину.

— Я становлюсь на коленки попкой в твою сторону и выпячиваю, как кошка, ее вверх. Твой пенис медленно входит, раздвигая мою киску...

Я весьма удивился этому слову и тут же открыл глаза; возбуждение ушло, а картины расплылись.

— Подожди! Что? — сказал нервно я.

— Что, что случилось, дорогой?

— Пенис? Ты сказала пенис?

— Ну да, а что?

— Блин, звучит это как-то по детски. Словно, у меня маленький огурец.

— А как же нужно было?

— Член! Или хрен! Или дылда! Но не это сопливое слово.

— Ну прости. Давай продолжим. У меня уже трусики намокли.

— Ладно, давай.

Я снова закрыл глаза и попытался погрузиться.

— Твои бедра толкают меня, я уже стою: «Ах, о да, давай милый! впускай свой член в меня! Давай, я кончаю! Кончи в меня, кончи!»

В телефоне слышались стоны наслаждения, но я снова от слова «член» вспомнил этот недавний инцидент, который предстал в этот момент в еще более гнусной форме. Поэтому я уже просто лежал, глядя в потолок, мой член, всунутый обратно в трусы, обмяк, а мама продолжала стонать и вскоре кончила.

— Да, сынок, да!

От оргазма она прокричала очень громко, что даже эти звуки через телефонный динамик слышны были во всей комнате.

На следующее утро был первый экзамен, после которого я вышел довольно довольным собой и уверенным в правильности решений всех заданий. Но приятным было то, что, пока я курил на крыльце здания универа, вышла Даша, спокойно спускаясь по лестнице с небольшой сумочкой на плече.

— Даша, — сказал я, и, к моему удивлению, увидев меня, она слегка улыбнулась. — Привет.

— Привет, — ответила она; в ее голосе не было отголосков того последнего вечера. — Тоже сдавал экзамены?

— Да. Куда идешь?

— Думаю, домой пойду.

— Можно проводить тебя?

Она немного покраснела и согласилась. Погода была хорошей, облака ложились по голубому небу тоненькими лепешками и круглыми подушками, что свойственно только романтичному Петербургу.

— Так, кем ты хочешь стать? — спросил я. Мы шли около набережной.

— Преподавателем.

— И что преподавать?

— Математику.

— Вау. Преподавать, так еще и математику.

— Мда, родители тоже удивились. А ты?

— Физический факультет.

— Ухты, что там надо делать?

— Не знаю. Просто решил туда попасть.

Мы еще поговорили об обучении в этом универе, насладились Невой, затем сели у воды на лестнице. Она сняла босоножки и опустила свои девичьи ножки с покрашенными ногтями в воду, оказавшаяся прохладной, отчего тут же она вынула из воды пальчик, по которой вода небольшими капельками стекала и попадала обратно в реку. Это было очень, для меня, мило; я посмеялся. Через пару минут, привыкнув к прохладе воды, она уже расплескивала ее ножками. — У тебя красивые ступни, — покраснев, сказал я.

— Ступни? Чем они красивы?

— Не знаю.

Она улыбнулась, смотря на меня заинтересовавшимися глазами, и я покраснел еще больше.

— Ты странный, — сказала она и повернулась к воде.

Мы гуляли до самого вечера, я проводил ее до дома. Перед уходом мы стесняющиеся обнялись, от этого улыбнулись и ушли.

Я ожидал, что дома друзья будут спать, а когда вошел, то картина меня поразила и заставила окаменеть: мою маму, стоящую раком, трахали Сергей в рот и Миша сзади в вагину. Сергей заметил мое присутствие и от страха остановил движения головы моей матери.

— Привет, сынок. Я тут с твоими друзьями развлекалась немного, — сказала моя улыбающаяся мать-проститутка.

Замеревшие Сергей и Миша уставили ожидающие взгляды на меня.

— Ну чо остановились, давайте дальше, — сказала моя мать, но они никак не могли сделать этого при мне, как будто, ожидали моего согласия, и я его дал, но все равно их движения, которые до моего прихода бывшие страстными и нетерпеливыми, теперь были неуверенными и медленными.

Я уселся на кресло, уставившись на эту тройку, которая уже после минуты не обращала на меня внимания: Сергей, держась за волосы мамы, вбивал бедрами свой член прямо ей в рот, а Миша, долбясь в ее киску, иногда бил ее по упругим ягодицам; но больше меня возбуждали мамины стоны в перерывах между сосанием члена. Я вытащил свой член из штанов и, наслаждаясь этими звуками нимфы, наяривал член. Первым кончил Миша ей на попку и в отдыхе уселся около ее задницы на диван, на котором они трахались, а Сергей — только через минут десять и по желанию мамы кончил ей в рот. Мама, потная, ушла в душ, а мы, в молчании переглядываясь, сидели в тишине. Мой взгляд, как я чувствовал, был неудовлетворенным их поступком, хотя, что они могли сделать: судя по маминой одежде, она соблазнила их своим вульгарным видом, и им оставалось только согласиться на ее утехы.

Мой член в те минуты расслабился и сосиской лежал на моих штанах, на что Сергей и Миша обратили внимание. Мама вышла голая, еще немного мокрая, с мокрыми волосами и улыбкой на лице.

— Мальчики, не погуляйте немного? — спросила она вежливо, и эти двое молча удалились.

Мама лазила в холодильнике, уталить свой голод после долгого пути, но там ничего не было съедобного.

— Мда уж, настоящее мужское логово, — сказал она и закрыла дверцу, и подошла ко мне.

— Я так скучала по тебе, — сказала она, но я молчал.

— А я не вижу, — сдерживая крик, сказал я, но не смотрел на нее.

— Ты из-за этого так губы надул? Ну ладно тебе. Меня же каждый трахают по десять мужчин, и ты про это знаешь.

— Но это мои друзья и соседи. Как я теперь буду с ними общаться?

Она села на этот оскверненный диван, положила ногу на ногу, скрыв свою гладко выбритую киску, но ее грудь, по которой я скучал все эти дни, была открыта мне и красиво, и эротично ложилась на ее стройное и гладкое тело.

— Ничего страшного. В двенадцать ты со мной спал, и ничего, нормально, не умер.

Я вздохнул, не желая дальше с ней спорить. Она подошла к моему креслу вплотную, между моих ног, и, наклонившись ко мне, что ее грудь свисала, как два мячика в мешочках, поцеловала. Я посмотрел в ее глаза, почувствовал прикосновение ее пальчиков, которые мама выполняла матерски, что можно было кончать каждую минуту, и член стал крепнуть. Также помог ему встать до конца ее минет и трение ее сисек об мою мошонку; затем мама сжала мою елду между своих грудей и стала трахать ими. Вот это разломало мое сопротивление ее ласкам, и все тело подчинилось воле моей властной и пылкой мамы. Я взял ее на руки и кинул на диван, что она легла туда на спину, раздвинула ножки, открыв бутон, по прежнему девственный. Мы слились в поцелуе, руки сами ложились на любимую мною ее грудь и сжимали их; затем язычок усердно теребил ее соски.

Поставив руки на спинку дивана, я вошел в нее, можно сказать, в миссонерской позе, которую мы не использовали с самого того дня, когда я познал всю прелесть женского запаха и тепла. Мама закрыла глаза и схватилась своими когтями за кожу моей спины от моих жестких вхождений своим членом в ее узкую вагину, которую так давно я не принимал. Иногда ее ладони били меня по ягодица, а сама мама стонала:

— Давай, сыночек, давай! Трахни свою маму! Засунь свой член (снова то слово!). Да, да, я кончаю!

Когда оргазм заставил вздрагивать ее вагину, она, словно не могла больше принимать мой член, пыталась остановить меня, взявшись за мои бедра спереди, и глубоко вздохнула, не в состоянии произнести ни слова, ни стона. Я кончил через пару секунд и сделал это ей внутрь, но не было прошлого удовольствия от секса с ней; может быть, от этого случая с друзьями, может от усталости, но никак не могу точно описать причину форс-мажора моей души.

Следующим утром я проснулся от стонов занимающейся сексом на кухне с Сергеем и Мишей мамы, немного посидел за столом, наблюдая за насаживающим мою маму себе на член Сергея, за Мишей, попивавший устренный чай, и сам потрахался, то поставив ее попойкой на стол, то наклонив ее над столом, и пока я это делал, Миша и Сергей ушли.

С Дашей я встретился в кафе, о чем мама не знала, похвалил ее красное платье, оголяющее ее девичьи коленки, наугад заказал ей кофе «Американо», которое, как оказалось, ее любимое, спросил насчет экзаменов, и с каждой минутой нашего обычного разговора о самых обычных темах я хотел смотреть на ее милое лицо, на ее темные волосы и бледную кожу, высокие скулы и плоские щеки, но самое главное на ее милые пальчики ног с накрашенными в красный цвет ногтями.

Она заметила, что я смотрю на небольшую грудь, пока она читала журнал, стоявший на столе:

— Куда это ты смотришь?

— Никуда, просто.

Я покраснел.

Мы пошли к ней домой. Там никого не было. В доме был сделан дорогой ремонт. Все там было красочно и спокойно. Она встала рядом со мной, положила руки на мои плечи и поцеловала, обхватив мою шею. Я же прижал ее за спину к себе и после нескольких секунд поцелуя поднял ее, взявшись за ее бедра и аккуратно, словно маленькую девочку, положил на кровать, пахнущую цветами. Она не сняла с себя платья, но спустила верхнюю часть, открыв свою созревшую грудь второго размера, спрятанная под небольшой розовый лифчик. Наш поцелуй был нежным, я касался внешними сторонами пальцев ее скул, щёк, поправлял ее волосы, лезущие на ее лицо. Но всю ее ошеломило, когда я приблизился к ее уху, на котором блистала маленькая сережка, слегка лизнул мочку; мое дыхание воспринималось ее ухом, как щекотливое прикосновение. Ее дыхание было таким сексуальным, что мне казалось, что от моих ушных ласк все в области ее нераскрывшегося бутона изнывало в судорогах; и ноги ее все сжимались друг к другу. Опускаясь ниже, я целовал ее шею, ключицы, место между грудей около чашечки лифчика, что еще больше возбудило ее; затем, опустившись до самых ног, прильнул под юбку, к ее плоду. Ее руки вдруг остановили меня, но я, говоря ей, не волноваться, тихо убрал их и продолжил ласковый путь к началу убления ее киски, выпустившая первые соки в ткань трусиков. Отодвинув эту часть трусиков в сторону, я коснулся разреза между ее слегка покрасневшими губами детской невинности, вызвав легкое «ах», и она выгнулась спиной над кроватью. Ублажение ее котенка, от которого она вздрагивала и стонала, я продолжал пару минут, снова оказался около ее лица и поцеловал губы этой благодарной мне за мои нежности девочке, целующей меня. зубами открою серебряную упаковку и натяну резинку на свой орган, который ее никак ненапугал, а даже забавил своим размером. Этот акт любви (не постесняюсь сказать это) начался с поцелуя. Мой теплый член касался ее живота, пока я не направил его к заветному лепестку цветка, расцветшего под лучами нового солнца, и посмотрел в ее глаза. В ее взгляде было только ожидание моего самого главного действия. Я двинул бедрами, и мы слились. Невольно ее глаза закрылись от члена внутри нее и дальнейших моих действий, наслаждение увеличивалось в ней с каждым разом, отдаляя ее от тихого прошлого к надвигающемуся, первому в ее жизни оргазму. Никогда еще секс не доставлял мне того удовольствия, чем этот секс, чем эта девственная, нетронутая никем вагина, а так же ее милое лицо с закрытыми глазами и раскрытым ртом, издающий сладкие стоны. Я стянул ее лифчик и припал к соскам упругой груди, которая меня так заводила своей идеальной формой. Наши бедра бились друг о друга, наши дыхания слышались, как один, и оргазмы пришли к нам одновременно. Ее ногти еще сильнее впились в мою спину, но это не ощущалось под приятным сокращением мышц члена, испускающего сперму в резиновый гандон, и сжиманием ее киски. Она замерла, тая в оргазме, а я продолжил двигаться, чтобы усилить его. Я лежал на ней, грудью чувствовал нежное прикосновение ее мягкой груди к моей коже, но больше сходил с ума от девушки, лежавшей подо мной. Потом я слез с нее, перевел дыхание и уснул.

Утром, проснувшись после этой ночи выспавшимися, мы пошли гулять по парку, который она выбрала, разговорились о наших прошлых личных жизнях. У нее было двое парней в прошлом, с одним из которых она была сильно привязана, как она считала, но потом отрицала, настоящей любовью, а с другим была только от симпатии к нему; но поклонников, которые признавались ей в «любви», было достаточно много, чему я ни капельки не удивился, но, наоборот, сгордился тем, то я заполучил эту звезду. А насчет своей личной жизни я соврал: сказал, что было у меня трое девушек, с которыми ничего не сложилось; но в

этот момент мысль, что моя связь с моей матерью может раскрыться и об этом узнает Даша, заставили меня ощутить страх за потерю ее в моей жизни, поэтому после того, как мы разошлись, я стал думать о том, как сохранить это в тайне. Лучшим способом, на первый момент, было не говорить с этими тремя на эту тему и не говорить о Даше.

Дома никого не было, чего я не ожидал ведь ожидал услышать стоны и картину группового секса на том же диване. Но было пусто. Я вошел в гостиную, чтобы позвонить Даше, но не тут то было. Когда я включил свет, оказалось, что мама стояла у окна, ожидая меня. Ее недовольный взгляд насторожил меня.

— О, привет, — сказал я и прошел до середины комнаты.

— Где ты был?

— Гулял.

— С кем?

— Один.

— Почему так поздно?

— Захотелось посмотреть на вечерний Петербург. А где Сергей с Мишей?

— Ушли.

Ее голос становился с каждым словом холоднее и черствее.

— Что есть поесть?

— Ничего.

— Что-то случилось?

— Ничего, — сказала она с саркастичным изумлением.

Я промолчал, хотел уже добиться раскрытия причины ее недовольства, но знал, что это усугубит положение.

— Ладно, — ответил я и прошел в спальню, разделся и лег в постель, взяв с собой телефон.

Через некоторое время пришли Сергей с Мишей и оседлали маму с двух сторон в гостиной.

Когда я утром собрался на выход, чтобы встретиться с Дашей, мама, которую Миша трахал раком у стола на кухне, спросила с тем же настроением, что и вчера:

— Куда пошел?

— Гулять, — ответил я, глядя на нее. Она не могла (спасибо, Миша!) сосредоточиться на моем допросе, тем более, она тут же кончила, и я ушел.

С Дашей я ни о чем не волновался, мне хотелось с ней гулять по всему городу, ходить по всем кафе, наслаждаться всем тем, что нас окружало, ведь с ней все, что нас окружало, приобретало свою прелесть. И не волновали неприятные действия мамы, возможность раскрытия нашего инцеста; меня лишь только переполняло счастье. Я любил проводить с Дашей время в любви, в ее доме: казалось, что секс, голое тело женщины, член входящий в вагину, — это самое прекрасное, что есть на земле, если только это связано с твоей любимой. Отчего то мне всегда хотелось ей сделать кунилингус: полизать ее клитор, посовывать в нее язык — и она меня всегда за это благодарила. Но когда наше время, которое мы проводим вместе, заканчивается, то наше разлучение и непонятное для меня поведение матери угнетали меня до следующей встречи.

В один день все прояснилось. Мама стала идти на меня с кулаками, когда я только вошел в дом. Пытаясь остановить ее, я оттолкнул ее и заметил на ее глазах слезы.

— Что случилось? — спросил я. Испуг из-за ее неожиданного приступа плача и нервы от ее ударов смешались.

— Значит, ты гулять ходил. Один. Ну конечно, ходил ты гулять. Я все знаю, я видела тебя с этой сучкой!

— И что, черт возьми, такого, что я встречаюсь с девушкой моего возраста?

На ее лице искривилась улыбка, смеющаяся над моим непониманием.

— Ты что, думала, что я буду с тобой? Всегда?

— Да, я так и думала. Ведь я любила тебя не только как сына, но и как мужчину.

— Это глупость! — прокричал я, и она остановилась. — Я не собираюсь с тобой проводить остатки дней. Это сплошные иллюзии, как у маленькой девочки, но в этом случае, как у психованной женщины.

— А с кем хочешь? С этой сучкой?

— Да хоть с этой сучкой, но не проституткой, хоть ты и моя мать. Посмотри, что ты вообще наделала: совратила сына, моих друзей, с которыми я не хочу общаться и с которыми ты трахаешься на моем виду, а теперь орешь на меня, только потому, что говоришь абсурдные вещи, как житье до конца жизни с сыном.

— Сынок, — сказала она жалостным голосом и стала подходить с наполненными слезами глазами, протянув руки, чтобы прикоснуться к моему лицу, но я взял их сильно, что она простонала. Жестко развернув ее к себе спиной, я прижал ее к стене, что она ударилась, прижалась щекой к стене, взял в одну руку ее обе руки, чтобы второй снять с нее штаны и трусики.

— Что ты делаешь? — говорила она, пытаясь выбраться из моих рук, но все тщетно. — Хватит, мне больно!

Я вытащил член и стал дрочить, чтобы он встал, и когда он встал, то я смазал его слюной, затем прижал головку к ее коричневому, закрытому колечку, которое мне предстояло разведать.

— Блять, отпусти меня! — кричала она, и по голосу было понятно, что после того, что я собираюсь с ней сделать, она убьет меня.

Я вдавил член в ее анал, она сильно сжала глаза от боли, чувствуя, как раздвигается до разрыва кожи ее отверстие от моего не до конца окрепшего члена, но когда он вошел полностью в эту узкую дырку, то от сжатия аналом ствола он весьма окреп. Мама начала кричать, словно в нее выстрелили. Она до конца пыталась выбраться из моих рук, но ее дергания и мои толчки бедер вперед приближали к оргазму. Она и сама не заметила, как приблизилась к оргазму и кончила, вытянувшись на носочки и сжав кулаки. Я также кончил, заполнив ее дырку спермой, затем вытащил член, освободил маму, которая упала на пол, переводя дыхание, и, надев трусы со штанами, покинул этот дом.

Прошло около года. От мамы я не слышал вестей, звонков на телефон, хотя я не менял симку; поступил в университет, где училась Даша, с которой стал жить, собирался купить ей кольцо. Появилось много друзей, наверно, потому что я не рассказывал о профессии мамы.

Не буду рассказывать о том, как прошло свидание, которое прошло в ресторане самым банальным способом: «Я люблю себя, блаблабла... Выйдешь за меня?, кольцо, слезы счастья, поцелуй, — но скажу, что когда она сказала, что согласна, то я был так рад, так рад, то был готов запрыгнуть по всему ресторану с криками счастья, но смог сдержать это и выявить свое счастье в легкой улыбке. Даже не понимаю, как мне это удалось.

Скажу сразу, что ее родители, с которыми я уже познакомился, были весьма мною довольны, ведь показал я себя, как парня, напичканного «принципами мужика»; тем более, что и

внешне я был сложен прилично.

Как же я был расдосадован тем, что свадьбу оплатить решили ее родители, ведь нет ничего хуже для мужчины, чем его собственная неспособность материально обеспечить себя и свою любимую, но ее отец успокаивал меня словами: «Ничего страшного, потом вернешь». Конечно, это была шутка с долей правды.

Но начавшееся торжество в небольшом, но стильном ресторане, в который мы приехали на шикарном лимузине, и множество людей и мои друзья, поздравлявшие меня, выветрили все эти волнения и переживания насчет того, что на каждом предмете, находившемся на том месте, было написано: «Это купил не ты».

Во время очередных поздравлений я увидел то, чего боялся больше всего, то, что было для меня в этот день сушим кошмаром. В белом костюме и дешевой шляпке, на высоких каблуках эффектно вошла моя мама. И конечно, взгляд всех мужчин обратился на нее. Она спокойно оглядела весь зал и заметила меня, принимавшего поздравления. Даше, стоящей рядом со мной, я сказал, что ненадолго удалюсь.

— Что ты здесь делаешь? — подойдя к маме, спросил я в первую очередь.

— Пришла на свадьбу сына.

— Я думаю, тебе лучше уйти.

Хотелось дальше на нее ругаться и перечислить ей все причины, чтобы она ушла отсюда, но подошла Даша.

— Здравствуйте, — сказала Даша, обняв мою руку. Она никогда не уставала получать удовольствие от знакомства с новыми людьми, и поэтому маму она одарила своей прелестной улыбкой.

— Здравствуйте! — сказала очаровано мама. — Какая вы очаровательная!

— Даша, знакомься, это моя мама, Светлана. Мама — это Даша.

— Поздравляю вас, — сказала мама, — вы очаровательная пара!

— Спасибо вам! — сказала моя дорогая Даша с той искренностью, которая всегда в ней преобладало, хотя это нам говорили уже сотни раз за этот день.

— Там моя бабушка пришла. Я вас оставлю, наверно, наедине, — сказала Даша.

— Я скоро подойду, — сказал я и остался наедине со Светланой. — Я хочу, чтобы ты ушла.

— Сынок, прошу, дай мне шанс.

— Какой шанс, мама? Тут и говорить не о чем. Твое присутствие известно только твоим клиенткам, находящиеся здесь.

— Прошу не говори так.

— Я буду. Теперь этот день испорчен из-за тебя, испорчена и жизнь, которая была лучше без тебя. Что, наверно, так и продолжаешь трахать всех подряд?

— Я покончила с этим, клянусь.

— Зачем ты пришла?

— На свадьбу сына.

Я не хотел с ней говорить и, чтобы она оставалась, тоже не хотел. Поэтому я пытался успокоить свои волнения с Дашей. С моей дорогой Дашей!

Она осталась.

Вечер набирал свои обороты, ведущий толкал свою речь перед сотнями людей, родственники Даши поздравляли и дарили подарки, затем мы с Дашей станцевали, к чему готовились целый месяц, устроили игры. Произошел инцидент с посудой, которая разбилась, и кто-то

прокричал: «К счастью!»

Но меня волновала сидящая с правой стороны зала женщина, общающаяся со всеми мужчинами, окружавшие ее.

Даша, зная мое пристрастие к алкоголю, запретила, чтобы любая из них стояла на нашем столе, но любой мужчина найдет выход и сможет найти способ избежать это табу. Я же пару раз выходил на улицу, говоря Даше, что иду в туалет, но, как вам уже стало понятно, мой читатель, чтобы выпить литр хорошего коньяка, на который мне пришлось бы отдать три стипендии.

Но в последний выход все изменило мою жизнь. Уже достаточно пьяный, но недостаточно, чтобы желать танцев и пения, и бессмысленных разговоров с любимыми людьми, я вошел в душный зал. По середине произносила речь роковая для меня женщина. Моя мать. Она говорила:

— ... в двенадцать лет его пенис — , кстати, он не любит это слово, — был очень маленький, поэтому когда он входил в мою вагину, то казалось, что палочка ходила в душло, хотя моя вагина всегда отличалась своей теснотой.

Да, эта дура, Светлана, рассказывала о себе и наших сексуальных отношениях в прошлом. Оказалось, что она дожидалась момента произнести речь, когда я уйду. И вот, она дождалась. Эта медуза, эта змея со своим ядом выставила на позор мое прошлое перед всеми людьми, перед родителями Даши, и перед самой Дашей, которая ошарашено слушала все, что Светлана говорила. Я не мог смотреть на нее в этот момент, не мог смотреть ни на кого, но чувствовал взгляд каждого, пока проходил к этому существу, чтобы вывести на улицу. Когда я это сделал, то сильно ударил ладонью по ее щеке, что на ней остался красный след. Моя совесть напомнила мне о неправильности и бесчеловечности этого поступка, и поэтому мое внутреннее противоречие и осознание того, что вся моя жизнь испорчена, и что любовь всей моей жизни узнала о самых грязных моих поступках и о грязной профессии моей матери в такой священный для нее день, сдавила мое сердце и пронзило мою шею, отняв способность сказать что либо, но дав способность расплакаться. Но я сдержался и от слез, и от очередного удара по лицу матери, которая лежала на асфальте. Она ушла. А я не вошел обратно. Там все стихло. Музыка не играла. Голоса замолчали. И только Даша, спрятавшись в туалете, плакала.

Я отправился домой. Опустошенный. Бесчувственный. Добравшись, свет я не включил. Он не был нужен. Мне нужен был свет другой, но не знал какой.

Из окна я видел, что приехала машина, из которого вышла Даша, а вместе с ней ее подруга и мать. Они что-то обсуждали.

— Нет, спасибо, я сама разберусь, — сказала Даша и, подняв платье, вошла в подъезд. Те секунды между звуком закрывшейся двери квартиры и открывающейся двери подъезда длились для меня, казалось, вечность, и хотелось, чтобы это было так, поскольку не хотелось чувствовать присутствие моей Даши. Но дверь открылась. И Даша вошла. Я все также смотрел в окно, а она, простояв молча в коридоре, подошла ко мне сзади и обняла. Это прикосновение — вот, что мне нужно было все это время. Я повернулся к ней, чувствовал, что ей трудно после этого случая, но она понимала, что еще труднее мне, поэтому поцеловала меня. Как маленького ребенка, взяв за руку, она проводила меня в спальню, где мы с ней улеглись на кровать и слились в поцелуе, немного холодном, но родном. И мы ощутили возбуждение: Даша с прерывистым дыханием стала снимать с себя свое огромное платье, сбросила вуаль, и

продолжила целовать. Я встал сверху, с ее колена до бедра провел кончиками пальцев и впустился в ее трусики, нащупав ее бритую вагину. Во время нашего поцелуя, от этого прикосновения она слегка дернулась, застонала и сама рукой полезла к моей.

Вагина ее была все такой же узкой, что я ощутил, войдя в нее не так резко и страстно, как обычно. Как же она была очаровательна! Член погружался в ее сладкую, теплую вагину и готов был выпустить все в неё, но что-то, какая маленькая по размеру, но огромная по значимости мысль вдруг пронеслась в голове, от чего я вытащил член, и сперма густой струей вылетала на ее лобок.

Казалось, все уладилось, Даша поняла и закрыла на все глаза, но человеческое сознание устроено так сложно, что воспоминание о том трагическом дне заложило в ее памяти очень глубоко и служило главным препятствием для достижения счастья в брачной жизни со мной. Через полгода я стал замечать ее приступы невроза в мою сторону из-за моего скудного представления о жизни, ее недовольство образом моей жизни, через два года она могла уже кричать на меня просто так, чтобы хоть на ком-то срываться. Я терпел, но и терпению приходит конец. Мы разошлись с ней с обоюдным согласием: в один день сели за стол и обсудили это решение довольно спокойно, без криков.

После этого мы остались друзьями, хорошими друзьями. Иногда я заходил к ней, к ее родителям, которые позабыли тот день или не предпочитали его вспоминать; но во всяком случае, я благодарен им за это. Благодарен Даше за всю ее доброту, за все, что она дала мне. Я не хранил к ней ни капли злости, ни капли, ведь я ее очень хорошо понимал: представьте, если бы вам заявили в день вашей свадьбы, что ваш муж трахался со своей матерью каждый день. Кто-то скажет, что если для нее это была любовь настоящая, то она должна была терпеть это, но снова же говорю, человек — не глина, которая должна приобретать ту форму, которую вы хотите. Поэтому все хорошо.

А мама? Что же с ней? Ничего. Слышал, что она вышла за муж за человека, который знает о ее бывшей или нынешней профессии, но надеюсь, что она счастлива. Я люблю ее. Люблю, как маму, но ненавижу, как женщину. Я встретился с ней только раз. Мы обсудили, как друзья, наши жизни, но больше ничего.

Но расскажу о себе. Я... счастлив. Да, все это было грязно, печально, не хочется это вспоминать, но сейчас я вспоминаю это, как тяжелый сон, который можно вспоминать, потому что это сон. Жалею не о многом: о том, что не родила Даша от меня ребенка, которого я мог бы навещать, что ударил свою дорогую маму; но самое главное, что не смог сдержать свою любовь рядом с собой, отпустив ее равнодушно и спокойно. Но в целом, я счастлив.